

DOI 10.31483/r-115971

Данильченко Сергей Леонидович

**ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУТ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ:
РУССКАЯ И НЕМЕЦКАЯ НАУЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

Аннотация: экономическое развитие неизбежно приводит к значительному росту неравенства в распределении доходов и национального богатства. Тревожно, что неравенство растет из года в год. Официальные данные о неравенстве занижены, так доля доходов, скрытых от налогообложения, как минимум, вдвое больше той, что показана в официальной статистике. Резкий рост неравенства был в значительной мере обусловлен переходом к неолиберальной политике, поощрявшей монополизацию производства в ущерб позициям наемного труда и в какой-то степени участием национальных государств в мировой глобализации экономики. Высокое неравенство по степени доходов населения будет тормозить любую национальную модернизацию, генерировать дальнейшее расслоение граждан. Доля избыточного неравенства между 10–20 процентами богатых и 80 процентами бедных и околобедных в современном мире непрерывно растет.

Ключевые слова: *государство как моральный институт, понятие социальной справедливости, проблема дифференциации доходов.*

Abstract: *economic development inevitably leads to a significant increase in inequality in the distribution of income and national wealth. Worryingly, inequality is growing year after year. Official data on inequality are underestimated, as the share of income hidden from taxation is at least twice as much as that shown in official statistics. The sharp increase in inequality was largely due to the transition to neoliberal policies that encouraged the monopolization of production to the detriment of wage labor positions and, to some extent, the participation of nation States in the global globalization of the economy. High income inequality will slow down any national*

modernization and generate further stratification of citizens. The proportion of excessive inequality between 10–20 percent of the rich and 80 percent of the poor and poor in the modern world is constantly growing.

Keywords: *the state as a moral institution, the concept of social justice, the problem of income differentiation.*

Общественные идеалы, как правило, отражают цели, имеющие нравственный характер, но претворить их в жизнь может только то государство, которое имеет народный характер, в рамках которого понятия «народ», «власть» и «территория» сливаются в единое цивилизационное целое, существующее как справедливое общество.

Это происходит только в том случае, если принципы нравственности становятся составной частью национально-государственной идеи, а в последствии – государственной идеологии, а само государство, являясь институтом насилия, выражает такие этические ценности общества, как свобода, равенство, справедливость.

Справедливым с точки зрения русского человека является такое решение или всякое действие, которое «направлено на осуществление правильных, насущных задач». Понятие «справедливость» связано с другим исконно русским понятием «правда» [1, с. 251, 566, 748].

Правда, по-русски, это – «порядок, основанный на справедливости, честности», это – «то, что соответствует действительности, истина». В свою очередь, понятие «истина» означает – «то, что соответствует действительности, отражает действительность, правда».

Таким образом, в русском восприятии понятия справедливость, истина и правда являются синонимичными, отражая с разных сторон одно и то же явление, а именно: тот жизненный порядок, который основан на нравственных идеалах, на принципах справедливости, на вековых традициях, имеющих нравственные и религиозные основания.

Н.А. Бердяев очень верно заметил, что в русском народе и в русской интеллигенции всегда было «искание царства, основанного на правде» [2, с. 11].

При этом высшим критерием социальной истины и правды жизни является жизнь самого народа, способ его бытия, способ народной жизнедеятельности, опирающейся на культурно-исторические традиции, уходящие в глубь веков и имеющие в России восточные духовные корни - православие как восточное христианство, ислам и буддизм. Именно поэтому носителем правды жизни является сам народ.

Таким образом, народная правда или правда жизни – это не голая умозрительная абстракция.

Национально ориентированная теория общественного развития должна объяснять жизнь, она должна быть адекватна самой народной жизни и ее историческому опыту.

Либеральная теоретическая школа, наоборот, – вдогонку за Западом – изначально объявила Россию, якобы, «неадекватной» современному миру, стремясь при этом загнать хозяйство всей страны в жесткое «прокрустово ложе» либеральных принципов, враждебных любому государству и любым национальным традициям.

Профессор Н.В. Расков (СПбГУ): «Динамика роста общенародного блага является критерием истинности экономической теории, внедряемой в жизнь. Критическое отношение к нынешней концепции и практике реформ, а порою отрицание и противостояние им, связано, прежде всего, с тем, что реформирование российской экономики не привело к росту общественных благ, не увеличило, а уменьшило количество счастливых людей» [3, с. 24].

Поддерживая идею В.Т. Рязанова о необходимости разработки россиецентричной теории народного хозяйства, он подчеркнул, что «необходимо во главе всей конституции национальной экономики поставить не идею, не принцип, а народное благо» [3, с. 25].

По мнению немецкой исторической школы, государство существует для того, чтобы согласовать формы хозяйства с этическими представлениями о справедливости. Для представителей исторической школы характерен взгляд на государство не только как на гаранта поддержания порядка, но и как на инструмент достижения тех целей, которые не могут быть достигнуты усилиями отдельных личностей.

В числе функций государства они называли:

- заботу об умственном и эстетическом воспитании нации и ее здоровье;
- покровительство старикам и другим слабым членам общества;
- помощь рабочим, получившим увечья, и т. д.

Поэтому совсем не случайно, критикуя позицию представителей классической школы, за основу своих рассуждений представители исторической школы берут другую модель человека, получившую в дальнейшем название «социологического человека».

Способы, которыми социологический человек добивается своих целей, продиктованы не только и не столько разумом, сколько ценностями и традициями.

Характерно высказывание видного представителя исторической школы В. Зомбарта, что человек принадлежит миру культуры.

Критикуя классическую политическую экономию, представитель немецкой исторической школы Г. Шмоллер неоднократно отмечал, что индивид представляет собой совокупность целей, укорененных в надындивидуальной совокупности целей культуры.

Мера справедливости в рамках здорового консервативного общества определяется не деньгами, а конкретными благами, получаемыми индивидами от общества в натуральной форме. При этом мера справедливого в отношении равенства и неравенства должна определяться тем, в какой степени люди или институты служат целям человеческого сообщества. Соответственно, является справедливым, если общество отмеряет индивидам блага или почет пропорционально их вкладу в достижение общих целей.

Осуществляя принцип справедливости, государство гарантирует своему гражданину достойный уровень жизни, не допускает, чтобы он оказался за чертой бедности. С этой целью устанавливается минимум оплаты, который обязаны строго соблюдать предприниматели всех форм собственности. Такой минимум не должен быть ниже существующего в стране прожиточного минимума. На соответствующем уровне устанавливаются пенсии, пособия по инвалидности, выплаты малоимущим или потерявшим работу и др. Такой принцип социальной справедливости присущ не только социалистическим, но также и тем капиталистическим странам, где государство осуществляет социально-ориентированную политику. В этом случае оно освобождает низкооплачиваемых граждан от налогов, а высокие доходы облагает солидным прогрессивным налогом.

Справедливость – это качество взаимоотношений между людьми, неотделимое от их поступков, и представление об условиях, на которых они согласны добровольно поддерживать взаимоотношения. В этом плане под социальной справедливостью следует понимать представление людей об условиях, на которых они без принуждения согласны составлять собой единство общества. Когда отсутствует социальная справедливость, то, как правило, в обществе нет должного единства, для сохранения которого требуется принуждение.

Действительная справедливость общества определяется шириной и горизонтом возможностей его членов изменить свой жизненный статус. Несправедливо не иметь возможности реализовать себя, свои наклонности и таланты. Чем больше граждан имеют возможность горизонтального и вертикального перемещения внутри социального организма, тем комфортнее общество себя чувствует. Такие перемещения придают обществу сильнейшую дополнительную синергию, обеспечивая динамизм всем сферам жизни страны – экономике, науке, образованию, культуре.

Принципиальный момент заключается в том, что эффективное перемещение внутри социального организма, действенную работу «социальных лифтов» нельзя обеспечить методами банального перераспределения благ от богатых к

бедным, так как они не затрагивают наметившиеся тенденции в развитии экономической и социальной жизни общества, а именно:

- усиление социализации и равенства возможностей членов общества реализовать свои способности,
- углубление демократизации в осуществлении экономических процессов,
- расширение условий для саморазвития и самоутверждения.

Неправомерно рассматривать социальные отношения как исключительно обусловленные экономическими отношениями, производные от последних. С повышением уровня зрелости общества и экономики социальные отношения, социальные блага превращаются в стратегический ресурс трансформации жизни людей, их освобождения от состояния отчуждения, духовной подчиненности и покорности.

Соблюдение социальной справедливости в известной мере является необходимой базой реализации индивидуального эгоизма. Ведь основная позиция индивида заключается в том, что справедливо то, что для него во благо.

Достижение благ отдельного человека зависит от других людей, и эта зависимость выражается в обязанностях и правах. Она предполагает, что реализация индивидуального интереса связана с общим интересом, который сводится к конкретному способу поддержания условий обеспечения благ. Тем самым реализуется известное положение русского философа Николая Федорова о том, что «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [4, с. 96, 118, 314].

Осознание общего интереса как своего собственного в виде идеи о социальной справедливости является результатом социализации человека. Индивидуальный эгоизм и навыки социализации сосуществуют в сознании индивида, порождая конфликты внутри его личности и между индивидами. Любой способ разрешения этого конфликта представляет собой то или иное интеграционное единство, позволяющее в той или иной форме сочетать противоположности.

Экономическое и социальное должны рассматриваться как единое целое, в котором все взаимосвязано и взаимозависимо. Но это единство порой нарушается. Это особенно остро проявилось в отрыве финансовой сферы от всей остальной экономики.

Сегодня получилось так, что все общество имеет перед финансистами обязательства, последние же имеют только права.

Финансовая система, на самом деле, как кровеносная система в организме, должна в обществе выполнять функции, обеспечивающие бесперебойное обращение денежных потоков, без чего невозможно существование и развитие экономики.

Сегодня же, например, в России, под благовидным предлогом борьбы с инфляцией происходит «отжим» денежных средств из экономики и создание их дефицита. Накопленные государством средства достигают астрономических размеров, не превращаясь в реальные инвестиции.

Стратегическое планирование уступило место не просто технократическому, а откровенно бухгалтерскому подходу, ориентированному на сегодняшний финансовый результат.

Иной подход, который ныне получил название рыночный, состоит в том, что государство не гарантирует какого-либо уровня дохода. Каждый должен сам заботиться о своем выживании.

Сторонники либеральной рыночной экономики считают, что равенство («справедливость») в распределении доходов несовместимо с рыночной системой и может подорвать ее. По их мнению, рыночная система – это такой хозяйственный механизм, который не может обладать какой-либо «совестью», он не является носителем моральных норм.

Для либеральной рыночной экономики как таковой характерна тенденция к углублению неравенства в распределении общественного дохода между гражданами. По мере увеличения богатства общества углубляется дифференциальная дифференциация населения.

В США, например, собственность больше всего влияет на неравенство в распределении доходов, 1% домашних хозяйств концентрирует в руках почти 40% всех активов (имущества).

Самая, пожалуй, важная проблема состоит в том, что в соответствии с моделью либеральной рыночной экономики национальный доход должен доставаться только собственникам производственных факторов. Они, как известно, прямо или косвенно участвуют в создании не стоимости и получают за это свои первичные доходы.

Армия людей, занятых в экономике, составляет примерно половину населения каждой страны, например, в США – 48%, Германии – 45%, Японии – 53%, Китае – 55%.

«За бортом» распределения национального дохода остается огромная масса экономически неактивного населения:

- трудящиеся и студенты дневных учебных заведений;
- пенсионеры;
- лица, обслуживающие домашнее хозяйство;
- отчаявшиеся найти работу и др.

Возникает вполне логичный вопрос – откуда эти члены общества, не имеющие факторов производства, могут получить средства к жизни?

Ведь все они прямо (непосредственно) не участвуют в создании общественного продукта, а поэтому не могут претендовать на свою долю в общем «пироге». В либеральной рыночной экономике остается уповать лишь на случайную частную благотворительность.

Таким образом, либеральная рыночная экономика принципиально не может гарантировать реализацию права человека на достойную жизнь. Она имеет тенденцию углублять неравенство в распределении доходов между гражданами. В результате возникает и усиливается социальная нестабильность в обществе.

В условиях рыночной экономики уровень доходов каждого зависит от сложившейся конъюнктуры на рынке так называемых «факторов производства».

Распределение по труду и по капиталу составляет, как известно, основу рыночного распределения, определяя два основных источника доходов.

Под доходом каждого экономического субъекта понимается доля созданного в обществе национального дохода, которую он получает в зависимости от степени участия в национальном хозяйстве. Доходы могут существовать в двух формах – денежной и натуральной. Различают также факторные доходы экономических субъектов и личные (персональные) доходы.

Факторные доходы – это доходы, полученные домашними хозяйствами от владения факторами производства – трудом, капиталом, землей, предпринимательскими способностями, в форме заработной платы, прибыли, процента и ренты.

Уровень общественного и индивидуального благосостояния в конечном счете определяется действующим механизмом распределения доходов, который формально призван осуществлять взаимосвязь между вкладом каждого участника общественного хозяйства в создание продукта и его долей в созданном национальном доходе.

При этом вторичное распределение доходов, называемое перераспределением, только в теории позволяет обеспечить доходами нетрудоспособное население страны, сократить степень неравенства в распределении доходов, снизить уровень бедности в обществе, что способствует росту общественного благосостояния.

Но это в идеале, а на практике неолиберальная экономика разрушает взаимосвязь между трудом и доходами, усиливая социальное расслоение и неравенство в распределении доходов. В этом, кстати, и заключается лукавство, а точнее – ложь, беспринципность и социальная демагогия сторонников либеральной рыночной экономики, основанной на теории социального расизма, делящего все общество на «расу собственников» и «расу работников» (Адам Смит).

В такой экономике государство стоит на стороне крупных собственников, обеспечивая приоритетный и вызывающий рост доходов «расы собственников»,

разделяя общество на две враждебные социальные группы, порождая в нем опасные «гроздь гнева» (Джон Стейнбек).

Экономическое развитие в глобализирующемся мире неизбежно приводит к значительному росту неравенства в распределении доходов и национального богатства.

В советское время в нашей стране неравномерность распределения личных доходов систематически сокращалась. За два десятилетия, которые предшествовали развалу Советского Союза (1970–1991), разрыв между средним доходом высшей и низшей квинтилями (20% населения) сократился значительно – с 4,7 до 2,6 раза.

В СССР трудовые доходы, т. е. оплата труда и косвенные доходы – выплаты из общественных фондов потребления – бесплатные образование, здравоохранение, жилье и пр. были единственными видами личных денежных доходов, составляя 96% всех доходов в 1970 году и 91% в 1990 году. При этом доля предпринимательских доходов, скрытая в теневом секторе, составила в 1990 году 3,7% от совокупных доходов.

Резкий бросок России в дикий капитализм привел к тому, что разрыв между высшей и низшей квинтилями (20% населения) достиг уже в 2000 году 7,9 раз, то есть был втрое больше, чем в исходном 1991 году. Разрыв между высшей и низшей децилями (10% населения) достиг 13,8. В статистике есть понятие «дециль» – это 1/10 часть. Население делится на 10 децилей. Первый – самые бедные, десятый – самые богатые.

На 80% населения с низкими и средними доходами приходилось теперь лишь 52% всего платежеспособного спроса – намного меньше, чем в последний год при советской власти. Потребительский рынок четко распался на типичные для капиталистической страны элитный и обычный секторы.

Для измерения неравенства экономисты чаще всего используют коэффициент Джини, который рассчитывается с помощью кривой Лоренца как отношение площади фигуры, образованной линией абсолютного равенства и кривой Ло-

ренца, к площади треугольника под линией абсолютного равенства. Значение коэффициента Джини изменяется от нуля до единицы: чем ниже коэффициент, тем ниже неравенство. Коэффициент Джини (КД) в идеальном случае полного равенства равен 0 и в идеальном случае абсолютного неравенства. Коэффициент Джини (индекс Джини) – статистический показатель, свидетельствующий о степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку, например, по уровню годового дохода – наиболее частое применение, особенно при современных экономических расчётах. Коэффициент Джини может принимать значения от нуля до единицы, расположенные между идеальной прямой равномерного распределения и кривой Лоренца. Индекс Джини – это процентный аналог коэффициента Джини.

Недостатком КД является то, что он не учитывает источник дохода, то есть коэффициент может быть довольно низким, но при этом какая-то часть населения страны обеспечивает свой доход за счет непосильного труда, а другая – за счет собственности. Так в Швеции значение коэффициента Джини довольно низко, но при этом только 5% домохозяйств владеют 77% акций от общего количества акций, которым владеют все домохозяйства. Это обеспечивает этим 5% доход, который остальное население получает за счет труда.

Коэффициент в 1991 году был в России одним из наиболее низких в мире – 0,26, приблизительно такой же, как в социалистических странах Восточной Европы, но уже в 1994 году коэффициент Джини достиг своего предельно высшего значения (0,409) и после этого мало отклонялся в ту или иную сторону.

За короткий исторический период Россия по показателям социальной поляризации оказалась на одном из первых мест среди индустриальных стран. Например, значение коэффициента Джини в США составляет 0,408, в Великобритании – 0,361, в Швеции – 0,250, в Японии – 0,249, в Зимбабве – 0,568, в Мексике – 0,537, в Чили – 0,565 [5].

Все первое десятилетие либеральных реформ в России наблюдалась следующая динамика КД:

– 1991 год – 0,260;

- 1992 год – 0,289;
- 1993 год – 0,308;
- 1994 год – 0,409;
- 1995 год – 0,381;
- 1996 год – 0,375;
- 1997 год – 0,381;
- 1998 год – 0,398;
- 1999 год – 0,394.

Каков же уровень неравенства сформировался в России?

Если в 1991 году децильный коэффициент составлял 4,5 раза, в 1992 – уже 8,0 раз; в 1994 году наблюдалась его рекордная величина за все время реформ – 15 раз, то в последние годы – в среднем 14 раз.

На конец 2009 года, когда количество долларовых миллиардеров в России почти удвоилось только за один год, увеличившись с 32 человек осенью 2008 года до 62 человек к декабрю 2009 года, денежные доходы 10% самых богатых россиян превысили доходы такого же количества бедняков почти в 15,2 раза, что превышает вычисленный социологами порог на уровне 15 раз, при котором в стране зреет социальное недовольство. Мировая практика подтверждает, что опасность социальных конфликтов сводится к минимуму, если разрыв между доходами богатых и бедных не превышает 10 раз.

Примечательно, что число долларовых миллиардеров в 2011 году перевалило за сотню. Согласно данным российской версии журнала Forbes, за 2011 год число отечественных долларовых миллиардеров выросло в полтора раза, а совокупное богатство 200 попавших в список бизнесменов приблизилось к полутриллиону долларов [6].

Тревожно, что неравенство растет из года в год. По сведениям Росстата, на долю 10% самых богатых россиян в первом полугодии 2010 года приходилось 30,2% денежных доходов всего населения, а на долю 10% самых бедных гражд-

дан – лишь 1,9%. При этом в 2009–2010 гг. 0,12% (160 тыс. чел.) населения России имели годовой доход более 1 млн долларов, а свыше 40% всего населения страны жили всего лишь на 4 тыс. долларов (менее 10 тыс. рублей в месяц) [7].

Есть и еще более откровенные цифры: по данным статистики, денежные доходы россиян в 2009 году составили 28,38 трлн рублей. На долю богатых пришлось 8,6 трлн рублей – это больше, чем все доходы бюджета нашей страны за 2009 год. Если к этому добавить, что, по данным на середину 2008 года, ежегодный коррупционный оборот в России составлял \$300 миллиардов, а к 2010 году эта сумма возросла до 319 миллиардов долларов, то станут понятны истинные масштабы социальной пропасти и величайшей криминальной драмы, разыгравшейся в тот исторический период в России.

С одной стороны, богатые и сверхбогатые присваивают в течение одного года сумму, равную двум годовым бюджетам страны, а на каждого богатого в 2009 году приходится в среднем по 611 млн рублей годового дохода. А с другой стороны, каждый среднестатистический бедный сводит концы с концами, имея в год на 38,5 тыс. рублей [7].

Среднедушевой доход на члена семьи у половины населения страны составляет, по их самооценкам, не более 2000 рублей в месяц (около \$70). Другими словами, годовой доход среднестатистического богатого больше дохода среднестатистического бедного почти в 15 900 раз. Среднедушевой доход на члена семьи у половины населения страны составлял, по их самооценкам, не более 2000 рублей в месяц (около \$70) [7].

По мнению российских ученых Н. Римашевской и В. Бобкова, доля богатых в России составляла в 2006 году от 5 до 8% населения, а к 2011 году достигло уровня 16 и более процентов населения. По некоторым оценкам, уже в 2010 году около 15% населения России сосредоточила в своих руках 57% всех денежных доходов и 92% доходов от собственности. Сложившаяся в России модель социальной стратификации характеризует в высшей степени дифференцированное общество [6].

Отметим также, что официальные данные о неравенстве были занижены, так доля доходов, скрытых от налогообложения, как минимум, была вдвое больше той, что показана в официальной статистике. При этих предположениях разрыв в среднем доходе между высшей и низшей децилями в 2000 году возрос до 25 раз, а коэффициент Джини приблизился к 0,5 или даже превзошел эту отметку. Именно такую оценку этого коэффициента (0,48) приводил один из ежегодных докладов Всемирного банка.

Сравним российские данные со статистикой распределения доходов в других странах. Начнем с США. Как показывает Джеймс Гэлбрейт в своем исследовании фактических данных о доходах США, резкий рост неравенства в США был в значительной мере обусловлен переходом к неолиберальной политике, поощрявшей монополизацию производства в ущерб позициям наемного труда и в какой-то степени участием США в глобализации экономики. Иначе говоря, там действовали те же факторы, что и в России, только у нас они проявлялись еще более резко, причем на существенно более низком уровне средних доходов. То, что в Америке чаще всего было относительной бедностью, в России стало абсолютной нищетой.

В заключении напомним, что в 2011 году Минфин РФ определил месячную зарплату в 42,5 тыс. рублей как зарплату «богатых работников».

Месячная зарплата на уровне 40 тысяч рублей для Минфина являлась зарплатой так называемых «богатых работников», и ее облагали ставкой в 10%, которую платил работодатель, теперь уже был кровно заинтересован в том, чтобы не повышать зарплаты выше уровня в 42,5 тыс. рублей.

Но разве не покажется для нас странным, что одновременно Минфин РФ оставил вне реформы доходы действительно богатых, а именно: состояние 200 тысяч самых богатых российских семей, которые, по данным 2007 года, имели ежегодные доходы более 30 миллионов рублей. Если их обложили хотя бы, как в Англии, 50-процентным подоходным налогом, а в Швеции с них бы взяли

58 процентов, в Дании – 65 процентов, то наш бюджет получил бы дополнительно еще 3 триллиона рублей в год. Как раз столько не хватало для сбалансированности нашего госбюджета.

Сверхбогатые в России всегда жили не на зарплату, а на дивиденды от акций, которые, как известно, облагались налогом 9 процентов. При существовавшем долгие годы иммунитете их «взносы» в бюджет страны были в 70 раз меньше, чем у тех, кто получал в год до 415 тысяч рублей.

Таким образом, самые богатые граждане России из системы реального подоходного налога просто выпадали [11].

Высокое неравенство по степени доходов населения будет тормозить любую национально ориентированную модернизацию, генерировать дальнейшее расслоение граждан. По мнению многих отечественных ученых-экономистов, доля избыточного неравенства между 10–20 процентами богатых и 80 процентами бедных и околобедных непрерывно растет, а в Москве уже достигла свыше 40 процентов. Такого неравенства нет ни в развитых странах мира, ни в странах БРИК.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 53000 слов / С.И. Ожегов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: ГИС, 1960. – 900 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев; АН СССР; Науч. совет по пробл. культуры. – Репринт. воспроизведение. – М.: Наука, 1990. – 220 с. EDN RVDJFF
3. Экономическая теория на пороге XXI века / Акад. гуманитар. наук и др.; под ред. Ю.М. Осипова [и др.]. – М.: Юристъ, 1998. – 767 с.
4. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Т. 1–2. Философия общего дела: статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова / под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. – Верный: Тип. Семиречен. обл. правл., 1906–1913. – Т. 2. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. – 473 с.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interesnoe.me/source-142811591/post-13993> (дата обращения: 15.01.2025).

6. Рудакова О. Высокообеспеченные слои российского общества: численность и механизм формирования доходов / О. Рудакова, Е. Харитоновна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1506> (дата обращения: 15.01.2025).

7. Финансовые известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/rubric/finansy> (дата обращения: 15.01.2025).

8. Летняя Т. Эксперты настаивают на прогрессивном налоге для богатых / Т. Летняя // Российская газета. – Столичный выпуск. – 27.10.2010. – №5322 (243).

Данильченко Сергей Леонидович – почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, академик РАЕ, академик РАЕН, академик РАМТН, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия.
